

В. И. Жог, Л. В. Тарабакина, Н. С. Бабиева

МЕТОДОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Москва
2017

Валерий Жог

**Методология
организационной психологии**

«МПГУ»

2017

УДК 316.6
ББК 78

Жог В. И.

Методология организационной психологии / В. И. Жог —
«МПГУ», 2017

ISBN 978-5-94845-272-2

Авторы учебного пособия пытаются восполнить пробел, который существует в методологической подготовке магистрантов по специальности «организационная психология». Впервые опубликованное в 2013 г. данное учебное пособие дополнено и содержит идеи, актуальные для понимания и объяснения современных проблем психологии организационных изменений и организационной психологии. Рекомендуется студентам и аспирантам, а также исследователям и преподавателям социально ориентированных отраслей психологии и методологии научного познания. 2-е издание.

УДК 316.6

ББК 78

ISBN 978-5-94845-272-2

© Жог В. И., 2017

© МПГУ, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1. Функционирование организаций в рамках времени и пространства социально-экономического мира	8
1.1. Философские предпосылки исследования организаций	9
1.2. Социологические предпосылки исследования организаций	14
1.3. Исследования и жизнь организаций в координатах пространства и времени	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**В. И. Жог, Л. В.
Тарабакина, Н. С. Бабиева
Методология
организационной психологии**

© Жог В.И., Тарабакина Л.В., Бабиева Н.С., 2017

Введение

Все большее количество психологов приходит к выводу, что эмпирически полученные организационной психологией факты слабо подкреплены научно обоснованными обобщениями. Теоретическая база этого молодого направления современной психологии не систематизирована. Эклектичный характер теоретических идей ориентирует работу практического психолога на недостаточно обоснованные социально-психологические проекты. Такая ситуация отнюдь не безобидна для состояния этой важнейшей отрасли психологии, для ее продвижения и признания в социально-экономическом мире этой новой и сложно организованной психологической практики.

Современные методологи отмечают, что в настоящее время происходит мощная популяризация парапсихологических идей в бизнесе и в сферах делового взаимодействия. Именно этим идеям избирательно придается статус научности в массовом сознании. Практический инструментарий, например, нейролингвистического программирования насаждается во многих современных организациях. В массовом порядке издаются сборники тестов, в которых отсутствует обращение к методологическим основам их создания. Ценностные проблемы экономической сферы обсуждаются и решаются по рациональным образцам когнитивной активности. Все это приводит к тому, что вопросы организационной психологии и психологические проблемы служебной деятельности персонала довольно часто решаются всего лишь на уровне здравого смысла (или его отсутствия).

Учебного пособия по университетскому курсу «Методология организационной психологии» не существует. Теоретические курсы магистратуры по данному направлению преимущественно являются авторскими с опорой на срез тех проблем, которые представляются наиболее значимыми для самих разработчиков этих курсов и адресованы скорее не будущим организационным психологам, а организаторам коммерческих структур и бизнеса. Отдельные методологические вопросы организационной психологии представлены в книгах, например: Юревич А.В. Методология и социология психологии. М., 2010; Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. / Редакторы-составители М. Хьюстон, В. Штребе, Дж. М. Стефенсон. М., 2001. Вместе с тем важно, чтобы студенты и будущие специалисты организационной психологии имели представления о конкретных проблемах делового взаимодействия и служебной деятельности человека в условиях противоречивых мнений и необходимости сотрудничества с точки зрения методологического анализа и предвидения отдаленных социальных и социально-психологических следствий принимаемых ими решений. Анализ проблем с позиций системного историко-эволюционного подхода, позволяющего увидеть картину развития субъекта (индивидуального или группового) в самых разных временных и пространственных масштабах – от макроэволюции природы до динамики принятия решения в той или иной конкретной жизненной ситуации – убедительно представлен в работе Асмолова А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М., 2001. Историко-эволюционный подход позволяет выделить универсальные закономерности функционирования человека в социогенезе и вместе с тем открывает возможность междисциплинарного и внутридисциплинарного синтеза представлений о социально-психологических явлениях и феноменах, стратегиях делового поведения людей в организациях. По мнению А.Г. Асмолова, альфой и омегой историко-эволюционного подхода является выделение созидającego методологического потенциала практической психологии, призванного вывести из кризиса психологическую науку в целом.

Вопросы методологии в зарубежной социальной психологии рассматриваются, прежде всего, в контексте анализа измерительных методов, применяемых к отображению социально-психологических феноменов. Выбор метода исследования зависит от того, на какой

вопрос исследователь пытается получить ответ, однако предполагается, что основополагающая идея и методологические ориентиры направлены, в основном, на расширение количества измеряемых критериев, подлежащих исследованию, а также на совершенствование самих измерительных и процессуальных подходов. Особо отметим, что как совершенно своевременно пишут И.В. Грошев и В.М. Юрьев: «*..прямая связь между финансовым, экономическим благополучием организации и сформированностью организационной культуры российских предприятий на данный момент не установлена. ... без должного внимания исследователей к методологии теории организационной культуры эта проблема решена не будет*» (И.В. Грошев, В.М. Юрьев. Менеджмент организационной культуры. М.; Воронеж, 2010. С. 5). Реализация интересов и инноваций экономики возможна только при определенных социальных и культурных условиях. Современному человеку приходится жить и работать в разных традициях и культурах, приспосабливаясь к вновь появляющимся обстоятельствам конкурентного рынка, проявляющего особо стремительный динамизм и угрозу целостности человеческого бытия. В системе ценностей в настоящее время в социально-экономическом мире сложились предпочтения индивидуализма в противовес организационной идентичности; признание свободы и равноправия в противовес дисциплины и статусности профессионального взаимодействия; пользы стремительности изменений и динамизма в противовес равновесию и стабильности социально-экономических и социально-психологических процессов. Однако эти процессы не являются массовыми и определяющими инновации в социально-производственных сферах. Человек все чаще теряет способность взвешенно осмысливать свое бытие, все чаще вызывая к жизни силы, которые порождают непрогнозируемые негативные социально-экономические и социально-психологические следствия.

Как отмечает В.П. Зинченко, за последние десятилетия возникло разнообразие методологических подходов в философии, науке, искусстве. Соответственно, может возникнуть идея о необходимости «методологической передышки» от существовавшего «методологического принуждения». Между тем, по мнению В.П. Зинченко, главная сложность, всегда стоявшая перед психологической наукой и заключающаяся в трудно преодолимой специфике обсуждения проблем ее методологии, состоит в том, что «психическое» в значительной степени не определимо раз и навсегда для всех одинаково, и, более того, в принципе не может быть универсальным образом определено как предмет такого исследования» (Методология психологии: проблемы и перспективы. М.: СПб., 2012. С. 6).

Потенциал становления организационной психологии определен усовершенствованием мышления психолога, его компетентностями и творческими способностями к моделированию условий, которые в итоге всех предпринимаемых усилий и определяют его вклад в эффективное функционирование организации в существующих рамках социально-экономического пространства и времени. Ценность проектируемых психотехнологий в конкретных социально-экономических обстоятельствах усиливается, если ее составляющие становятся способами описания психологических систем и их функционирования, то есть становятся языком самой психологии.

При отборе данного учебного материала авторы руководствовались пониманием того, что предметом методологии организационной психологии выступает, прежде всего, сама наука, взятая в целостности ее принципов, критериев научности и встроенная в общечеловеческую культуру и в социальную практику.

Глава 1. Функционирование организаций в рамках времени и пространства социально-экономического мира

Деятельность организаций представлена в пространственно-временных координатах, что предполагает от ее участников полную ориентировку в содержательном их наполнении и понимание глобальных изменений социально-экономического мира. Рассматриваются философские и социологические предпосылки анализа социально-экономического мира, обсуждается специфика методологических проблем организационной психологии, анализируются ресурсы организации с точки зрения ценности кадрового потенциала.

1.1. Философские предпосылки исследования организаций

Философия является самосознанием эпохи в целом, а не только науки или одной какой-либо ее отрасли. Философия, как теоретически оформленное мировоззрение, опирается на всю совокупность общественной практики, в которой наука является лишь одной из форм кристаллизации человеческого опыта. Именно ассимиляция философией всего богатства человеческого опыта позволяет задавать науке в целом ее эвристическую направленность и социальное предназначение; именно философия учит исследователя «работе с мыслью».

Радикальное изменение картины мира в представлениях людей произошло под влиянием эпохальных достижений науки: становлением квантовой теории, появлением концепции нестационарной Вселенной и другими научными открытиями. Изменение картины мира философия стала осмысливать, как определенную «онтологию ума», стоящую за представлениями о критериях научного знания. Изменились вопросы, которые могут быть признаны научными. Вопрос о том, какова реальность сама по себе, оказался лишенным смысла. «Человек познающий» не только обнаруживает мир, но *реконструирует* его и создает в нем такие свойства, которые возникают во взаимодействии мира с человеком и человека с миром. Любое свойство любого объекта не принадлежит только объекту, а появляется в пространстве и во взаимодействии между первым и вторым, третьим и т. д. объектом. Появление в мире качественно нового объекта задает новые свойства, обнаруживаемые только во взаимодействии с этим новым объектом. Было выявлено, что предмет и метод исследования не отделены друг от друга. Предмет исследования не существует *до того*, как он начинает изучаться.

Радикальные научные изменения произошли в понимании причинности. Так, М. Планк и А. Эйнштейн признавали существование в науке некоторой неполноты причинного объяснения, однако объясняли ее не законами бытия, а несовершенством статистических объяснений. Н. Бор и другие представители копенгагенской школы разошлись с Эйнштейном именно в указании на то, что свойства объектов существуют как физические реальности. Было показано, что процесс измерений в физике имеет свою специфику, связанную с *необратимостью* изменений, происходящих в *ходе изучения* явлений микромира. Был поставлен под сомнение один из основных постулатов методологии классической физики – положение об объективной данности явлений как независимых от познающего их субъекта. Было показано, что измеряемые свойства физических явлений зависят от того, *в каком опыте* и какими средствами они отображаются.

Огромный вклад в развитие научной методологии середины и конца XX в. внесли Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, П. Фейерабенд, И. Пригожин и ряд других выдающихся философов и ученых. Если в первой трети XX века основную роль в изменении принципов построения научного знания сыграли достижения физики, то дальнейшие их изменения оказались связанными с достижениями в области биологии, культурологии, постпозитивистской философии. В результате этих достижений *вероятностный* детерминизм стал включаться в схемы объяснений практически всех уровней физических и социальных систем и организаций.

Объективной потребностью общества явилось развитие производства, создание крупных организаций и рационализация методов управления их деятельностью. Прогрессирующее разделение труда, усложнение технологических процессов, рост персонала резко повышали требования к эффективности служебной деятельности. Первые ее исследования имели сугубо прикладной характер и имели цель рационализации исполнительства и повышения производительности труда.

Философы первыми обратили внимание на противоречия между достижениями и ограничениями и их последствия для психологической безопасности людей в условиях происходящих социально-экономических и эколого-психологических процессов. А. Швейцер (1875-1965), доктор философии, лауреат Нобелевской премии, писал, что современный человек даже перестал предпринимать попытки осознать направление развития общества, экономической жизни, возможностей культуры, которые не только не расширяются, но стали сужаться. Творческий дух покинул, в том числе и саму философию. Она все больше становится философией без мышления, т. е. перестала быть наукой, которая пыталась бы добыть необходимое для жизни знание. Отрицательно воздействует на культуру, по мнению автора, чрезмерная *заорганизованность* общественных условий их жизни. Свобода мышления изъята из употребления и миллионы индивидов отказываются от права на мышление, руководствуясь только принадлежностью к корпорации, следуя только ее указаниям. Сделать людей снова мыслящими – значит вновь разрешить им поиски своего *собственного* мышления. Философия Декарта исходит из произвольно выбранного положения «Я мыслю, следовательно, я существую». Это избранное начало, по мнению А. Швейцера, заведомо уводит философию на путь абстракции. Философия должна исходить из непосредственного факта сознания: «Я – жизнь, которая хочет жить». Идея *благоговения перед жизнью* ведет к обновлению мышления. Первейшей философской истиной является воля к жизни и готовность отстаивать жизнь как свою, так и окружающего мира, даже если приходится идти на самоограничение [66].

И. Пригожин и И. Стенгерс утверждают, что доступ к природе открывает и опосредует не акт наблюдения, а состояние хаоса: события являются следствием неустойчивости хаоса, внешние условия (например, экспериментальные) сдвигают равновесие в неустойчивой системе таким образом, что из всех потенциальных возможностей, в конечном счете, реализуется только одна. Сценарий дальнейшего развития системы не может быть вычислен заранее. Более того, эволюцию системы можно описывать только в таком пространстве, которое зависит от ее динамики, т. е. это пространство, или *ландшафт будущих событий* также трансформируются и определяются в *точке неопределенности* или в точке бифуркации. Для всех систем равновесие – лишь момент достижения результата, после чего они вновь возвращаются в неравновесное состояние [46].

В 1924 г. А. Эйнштейн делился в письме М. Борну своими сомнениями и переживаниями по поводу того, что если бы ему пришлось отказаться от представлений о стройной причинности, то он в своей жизни сделал бы другой профессиональный выбор и предпочел бы стать сапожником или служащим в игорном доме, чем физиком. Он даже сформулировал всем известный тезис: «Бог не играет в кости». Однако в конце своей творческой деятельности великий ученый все же сумел внести изменения в свое понимание методологических основ познания, что подтверждает, что А. Эйнштейн менялся вместе с эпохой и отказался от идеи всеохватывающего принципа причинности, выделив, в том числе, уровень, время, место и для случайностей.

В современное время идея тотального детерминизма исчезает даже в естественных науках, которые привлекают новые математические разработки для описания эволюции систем. Важнейшим фактором, определившим пересмотр методологических ориентиров, стал кризис оснований математики. Неожиданно выявилось, что имеется не одна математика, а целая совокупность равновозможных математик. Важной чертой науки стало наличие теоретической избыточности и сосуществование концепций, имеющих дело *с одним и тем же предметом*, но *содержательно* различных. Новейшие тенденции социально-организационных изменений связаны с широким внедрением новых методов обработки поступающей информации и необходимостью принятия решений с учетом многочисленных факторов и позиций исследования (моделирование, системный анализ, теория игр и решений и т. п.).

Современная методология науки все большее внимание уделяет *погрешностям* научного знания. Использование методологических принципов является творческим процессом. Их осмысление подготовлено воспитанием *культуры мышления* исследователя и неустанным расширением его кругозора и опыта. В науковедческих исследованиях все более широко используется понятие «стиль мышления», которое вошло в оборот под влиянием взглядов известного физика М. Борна (с 1953 г.). По Борну, существует некая логика эпохи, благодаря которой можно ожидать появления определенных идей ученых, при этом другие идеи оказываются как бы недоступными и заблокированными для понимания и восприятия окружающими людьми с учетом их возможностей, стиля мышления и эпохи, в которой они живут. М. Борн писал, что «стиль» придает устойчивость принципам научной деятельности и единству смыслового поля, в котором работают ученые или, по крайней мере, позволяет прогнозировать и отвергать то, что им чуждо.

Современная наука представляет собою достаточно разнородную совокупность теоретических учений и научно-исследовательских программ, в которых переплетены классический и неклассический стили научного мышления. Совокупность стилей мышления и стандартов доказательности формирует определенный *тип рациональности* познания [25; 61].

Классическому типу рациональности присущи представления о том, что должна существовать единственная теория, истинно описывающая реальность, а потому необходимо устранение из науки всякого субъективного вклада. Сознание познающего субъекта должно быть предварительно «пустым» и не заключать в себе никакого предрассудочного знания о познаваемой реальности. Научное знание проявляется в выборе понятий (терминов), способов построения суждений и доказательств, в процедурах их операционализации. Понимание автоматически обеспечивается идентичностью индивидуальных сознаний разных наблюдателей.

Неклассическому типу рациональности присущи представления о том, что возможно существование нескольких альтернативных описаний реальности. Допускаются описания как истинные с разных «точек обзора», поскольку в каждом из них содержится момент объективного знания. Научные знания могут относиться не к самому объекту, а к сложному комплексу субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимодействий. Признается, что «чистых» фактов как таковых не существует, если в факте нет места самому субъекту познания. С появлением в мире качественно нового объекта все другие приобретают новые свойства, обнаруживаемые только во взаимодействии с этим новым объектом. Научная картина мира представляет собою совокупность всех свойств, обнаруживаемых в ходе познавательного взаимодействия.

Постнеклассический тип рациональности заостряет неклассическое мышление в признании определенной ограниченности научных знаний и крайней сверхсложности реальности, а также в необходимости учета ценностных параметров мира. Центральной проблемой признается вопрос о соотношении теории и практики. Констатируется, что системы (социальные, экологические, экономические, термодинамические и др.) *далеки от состояния равновесия* и демонстрируют способность к самоорганизации и саморегуляции. Проходя через стадии крайней неустойчивости (точки бифуркации), они спонтанно образуют новые упорядоченные структуры. Это показывает, что состояния хаоса и порядка находятся в сложной *динамической связи*, в которой задействованы *вероятностные* параметры изменений реальности. Ценностный ракурс научных исследований предполагает использование социально-гуманитарных и экологических экспертиз для оценки научно-технических программ.

Появление новых концептуальных ориентиров познания не отменяет действенности старых. В определенных ситуациях могут доминировать классические установки в стратегии познания. Черты научного проекта являются сложным результатом действия многих факторов. Расширенное понимание рациональности, признание множества и своеобразия

возможных форм научного познания предопределено социально-историческим контекстом эпохи, открывающим богатство перспектив для новых контекстов исследований.

Каждый период исторического развития общества сопровождается ростом интереса к целому ряду понятий. В этом находят свое выражение процессы перестройки общественного сознания. Познавательная ценность многих понятий и категорий определяется тем, что их содержание отражает не только само объективное бытие, но и его восприятие, и его осмысление общественным субъектом. Развитие понятийного мышления составляет основную часть методологического (философского) анализа средств научного познания. Усиление интегративных тенденций в стратегиях научного познания определило возникновение целого класса таких универсальных понятий и категорий как алгоритм, вероятность, линейность и нелинейность, структура, состояние, определенность и неопределенность, порядок и беспорядок, симметрия и асимметрия, когерентность, информация и др. Познание наряду с универсальными философскими категориями получает в свое распоряжение приемы и средства, которые, зародившись в частных науках, приобретают общенаучный методологический характер. Особое место в этом ряду занимают математические методы.

Математические методы и понятия применимы к самым различным областям действительности, они описывают процессы, происходящие как в мега-, так в макро- и микромире. Это происходит благодаря тому, что формально-количественные аспекты присущи всем без исключения областям действительности. Математика раньше других наук встала на путь общенаучности и в связи с этим выступила одним из первых источников общенаучных понятий. Первоначально общенаучность математики понималась как ее универсальность, всеобщность. Так, например, пифагорейцы отождествляли числа и вещи, пытаясь арифметизировать и геометризовать все известные им явления, включая человека. Если отбросить «мистические одежды» пифагорейской философии, то перед нами предстает идея универсальности математического знания, которая была поставлена, но не была реализована древнегреческой наукой. Представления о всеобщем характере математического знания получили развитие в работах Р. Декарта, Г.В. Лейбница, И. Канта. «В любом частном учении о природе важно найти науки в собственном смысле лишь столько, – писал И. Кант, – сколько в ней содержится математики» [23, С. 38].

Само понятие научного знания не остается неизменным в современном мире. Все более научным «считается то знание, которое получено посредством научного инструментария, рациональной (рассудочной) методологии. Иначе говоря, не природа исследуемого объекта в первую очередь влияет на характер знания, а методология... При этом речь идет об «очеловечении» самих принципов и методов науки, которые позволяют построить единую науку о конкретно-историческом человеке» [40, С. 320].

В современных научных исследованиях теряется смысл разделения науки между прикладными науками и фундаментальными. Считавшаяся ранее «прикладной» наука теперь занимается проблемами, которые диктуются развитием технологий. В этой ситуации такая «обслуживающая» наука по количественным масштабам, финансовому обеспечению, социальному признанию становится определяющей и базовой. Основной целью деятельности становится не получение нового знания, претендующего на истинность, а достижение эффекта, который может быть воплощен в пользующихся спросом технологиях. В общественных ожиданиях, обращенных к науке, в настоящее время явно доминируют запросы на новые эффективные технологии, а не на объяснение мира. От научных исследований все больше ожидают того, чтобы их результаты позволяли удовлетворять вполне конкретные запросы общества и потребности человека [40].

Философско-методологические идеи являются основой для становления и развития организационной психологии, предопределяя новые ее возможности, а также предоставляя

свободу в поиске новых форм рефлексии в условиях сохранения и обращенности к культурным функциям.

Организационная психология уже накопила определенный объем эмпирического материала, который представляет собой достаточно разнородную совокупность проектов. Полученные результаты невозможно охватить без методологического объяснения тех противоречий, которые открываются при их интерпретации и сопоставлении. Кроме того необходимо иметь в виду особую ответственность психолога за интерпретацию выводов, содержание рекомендаций и использование психотехнологий. Наибольшая трудность для самих психологов заключена как в проведении необходимых наблюдений, так и в ломке традиционных идей при их толковании и в организации практики. Выводы, основанные на неправомерных обобщениях, могут иметь как ближайшие и непосредственные, так и отдаленные разрушительные последствия для индивидов, групп, организаций, организационной культуры общества в целом. Работа в этой особо сложной и важной области жизни требует от психолога личной ответственности за те знания о человеке, которые он конструирует в теории и внедряет в своей практике. Предполагается осознанное вхождение специалиста в культурную коммуникацию, переход к «такой методологии, которая бы соотносилась, исходила из представлений о предельных, конечных смыслах бытия человека, его роли и назначения в этом мире» [47, С. 39].

1.2. Социологические предпосылки исследования организаций

Социология как самостоятельная наука имеет непродолжительную историю. Термин «социология» введен французским философом О. Контом (1798-1857) в результате конкретизации тематики традиционной социальной философии. По Конту, одному из основоположников позитивизма, ни наука, ни философия не могут и не должны ставить вопрос о причине явлений, а только о том, *как* они происходят. Теория уже не считалась сверхценностью и превратилась во временный инструмент, который как резец, можно затачивать но, в конце концов, он подлежит замене. Основополагающая социологическая идея Конта заключается в том, что возникла настоящая потребность основать *социальную физику*, основанную на принципах *порядка и прогресса*.

Крупнейшие социологи конца 19-го и начала 20-го вв., настаивая на самостоятельности социологии и отделении ее от философии, в то же время анализировали такие вопросы, содержащие методологическое предназначение их осмысления, как природа социальных явлений, специфика социального познания, нормы и ценности культуры в организации общественной жизни.

М. Вебер, немецкий социолог (1864-1920), основной характеристикой будущего общества считал *диктатуру* чиновников и наличие *рационально* организованного управления. Идеальной формой организации предприятия он считал бюрократию, поскольку только она способна приводить к стабильному, рентабельному и в высокой степени стандартизированному выпуску продукции и, тем самым, предоставлять жизненно необходимые услуги для всего общества. Успех производственной деятельности обеспечивается четкими линиями распределения полномочий по принятию решений, стандартизированными правилами и процедурами, механизмами контроля и учета. Менеджер должен не творить, так как от него этого не требуется, а *делать все правильно* в соответствии с правилами и установленными процедурами, все знать и уметь, но не импровизировать. Власть, по Веберу, есть возможность волевого преобразования социальных отношений вопреки существующему сопротивлению и независимо от того, в чем эта возможность проявляется. На вопрос о том, в каких условиях и почему люди подчиняются, Вебер называет новые капиталистические отношения и интересы, превращающие работу из необходимости в призвание, а деньги – из зарабатывания хлеба в зарабатывание спасения [11].

Первые эмпирические социологические исследования не имели систематического характера, хотя их число неуклонно и быстро росло. Исследователи совершенствовали методы сбора и анализа новых социологических фактов. Появились первые центры социологических исследований. Среди различных теоретико-методологических ориентаций самым влиятельным стало направление структурного функционализма, несомненным вкладом которого в исследования социальных систем стал принцип их целостности и интеграции, а также объяснение частных социально-психологических феноменов теми функциями, которые они выполняют. В частности, как утверждает американский социолог Т. Парсонс, любая социальная система, в том числе организация, должна выполнять *определенные функции*, чтобы выживать и добиваться успеха, а именно: адаптации, достижения целей, интеграции, легитимности (признания окружающими людьми и другими организациями). Перечень функций в аббревиатуре получил название модели AGIL [42].

Авторитетнейший американский социолог Р. Мертон является автором концепции «всеобщего конфликта», якобы, по его мнению, типичного для индустриального общества. Термин «дисфункция» предложен им в работе «Социальная теория и социальная структура» (1957 г.). По Мертону, необходимо устанавливать чистый *баланс* функциональных

последствий, учитывать не только благоприятные, но также и нейтральные и неблагоприятные последствия. Если индивиды имеют общие цели, но узаконенные средства для достижения этих целей доступны не всем в равной мере (или вовсе недоступны для некоторых социальных групп), то в обществе, несомненно, следует ожидать высокий уровень отклоняющегося поведения. Р. Мертон совместно с другим американским социологом Р. Кендаллом разработал метод группового глубинного интервью или так называемый метод «фокус-групп», который в дальнейшем стал активно использоваться в психологических и экономических исследованиях.

С усложнением потребления и производства продуктов социально-психологические переменные обоснованно привлекают все большее внимание и все большее число специалистов. Процесс управления развивается по направлению от ограничения возможностей изменчивости к активному стимулированию и росту нерегламентированной инициативы персонала с тем, чтобы реализовать основные цели организации и способы достижения производственного успеха.

Представители интеракционистской ориентации социологов изучают преимущественно межличностные отношения, но игнорируют общие проблемы общества и сводят социальные нормы лишь к фактам «открытого» и наблюдаемого поведения. Принято выделять чикагскую (А. Стросс, Т. Шибутани и др.) и айовскую (М. Кун, Т. Партленд и др.) школы интеракционизма. Если для первой школы характерен интерес к процессуальным аспектам взаимодействия, то для второй – к изучению стабильных структур, которые становятся символическими. Усиленное внимание уделяется анализу языка как символического «медиума» взаимодействия. Разные группы вырабатывают различные миры, которые изменяются в процессе социального взаимодействия.

Первой попыткой исследования групп и социальных отношений в организациях можно считать работу группы американских ученых во главе с Э. Мэйо (1880-1949), которого считают основателем американской индустриальной социологии. Экспериментальные исследования под руководством Мэйо проводились в компании «Western Electric» в местечке Хотторн, расположенном недалеко от Чикаго. Цель эксперимента заключалась в выявлении самых различных факторов, влияющих на производительность труда у заранее отобранных для этих исследовательских целей работников компании. Неожиданно был получен исключительный по своим социально-психологическим следствиям результат. Работники цеха при присутствии наблюдателей восприняли и проинтерпретировали как проявление заботы и человеческого участия к условиям их работы. В результате производительность труда повысилась у всех работников цеха. Полученный экспериментальный эффект позволил Э. Мэйо сформулировать вывод о том, что новые средства повышения производительности труда – это групповые решения персонала, их сплоченность, доверие; это социально-психологическое просвещение работающих людей. В дальнейшем этот социально-психологический факт, определивший повышение продуктивности работы цеха, получил в литературе название «эффект Хотторна». Социология, согласно Мэйо, должна *практически* содействовать укреплению «мира в промышленности». По заказу корпораций он разработал программу, рассчитанную на улучшение социально-психологической атмосферы на предприятиях.

Не менее важный вклад в социально-психологические исследования организаций внесла М. Фоллет. Если отцом менеджмента принято называть Ф.Тейлора, то его матерью называют М. Фоллет. При жизни М. Фоллет ее взгляды не были оценены, и даже книга «Динамическая организация» была опубликована лишь в 1943 году (через десять лет после ее смерти). Идеи Фоллет о том, что *позитивное отношение* к людям повышает производительность труда, были высоко оценены целым рядом исследователей и практиков, а позднее были восприняты японской школой менеджмента. Основная и наиболее значимая идея «доктрины человеческих отношений» М. Фоллет содержит следующий тезис: приоритеты

в организационном поведении принадлежат не индивидуальным вознаграждениям, а механизмам *позитивного* социально-психологического воздействия на группы и производственные процессы. Современные социологические исследования привнесли в представления об источниках эффективности организаций культуру, интересы групп, обогатили понимание «внешней среды», социальных традиций, форм поощрений и наград.

Образцом проявления социальной ответственности в современном мировом обществе за решение существующих социально-экономических проблем можно считать А. Печчеи, итальянского бизнесмена и экономиста (1908-1984). По его инициативе в 1971 г. была создана международная организация – Римский клуб. А. Печчеи и его единомышленники поставили задачу добиться изменения в настроениях общественности, переломить равнодушное (незаинтересованное) отношение, которое проявляет общество к глобальной проблематике и ее негативным следствиям. Они обратились к реальности социального прогнозирования, используя метод математического моделирования. Особый резонанс в самых различных кругах общественности вызвала публикация с подобранными материалами в виде доклада «Пределы роста» (1972), выполненного под руководством Д. Медоуза. Это была попытка моделирования взаимодействия фундаментальных показателей: роста населения, истощения ресурсов, загрязнения среды и др. Доклад вызвал бурную реакцию общественности. С этого времени понятие *пределы роста* стало очень популярным. Основная полагаящая идея доклада состояла в признании мифом тех существующих в обществе представлений, якобы указывающих на неограниченность возможностей роста материального благополучия. Как показали компьютерные технологии, сохранение глобальных тенденций, которые уже сложились, в будущем приведут к резко негативным последствиям. В настоящее время в мире истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, рост народонаселения достигли критического предела, дальше которого начнутся мировые катастрофы. Согласно Печчеи, лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей существующей, ориентированной на материальные ценности, цивилизации.

На фоне этих поисков *организационная психология выступает продолжением общего социального и культурного проекта*, с присущими для своей научной отрасли специализированными исследовательскими средствами.

В настоящее время получили широкое распространение высокие социогуманитарные технологии Ni-Tech. Основное назначение Ni-Tech – это воздействие на индивидуальное и массовое сознание, которое имеет цель достижения определенных управляющих и манипулирующих воздействий, создающих спрос на промышленные продукты Ni-Tech. Ni-tech целенаправленно *мифологизируют* и изменяют окружающий мир. Социокультурный эффект от реализации инновационных продуктов оказывается очень весомым. «Крупнейшие компании создают собственные научные центры, – пишет Г.А. Ключарев, – потому что знания и технологии для них становятся важным фактором конкурентной борьбы. Как только данное обстоятельство начинает осознаваться руководством, встает вопрос о людях, которые способны к проведению соответствующих исследований. Подготовка кадров, способных к такой деятельности, становится одним из приоритетных направлений корпоративного образования» [40, С. 239].

В силу специфики социологического подхода поведение и способности не трактуются как поведение и способности отдельного человека, отдельной организации, а исследуется как *глобальная социальная практика*. В этом коренном пункте заключается отличие предмета организационной психологии, а соответственно, специфика методологии организационной психологии. Социологи изучают группы и считают само собой разумеющимся то, что люди следуют нормам и исполняют социальные роли. Они констатируют также факты, когда люди ведут себя не так, как группа, и отказываются быть, как все. Однако социологи не инте-

ресуются индивидуальными различиями. Поэтому для объяснения одного и того же феномена психологи и социологи нередко в качестве главных условий выделяют разные характеристики и критерии. Например, по наблюдениям социологов распределение поведенческих проблем в популяции часто является неравномерным, поэтому эти проблемы могут зависеть от социальных факторов. Организационные психологи обращают пристальное внимание на то, что существуют мощные факторы и резервы социально-экономических инноваций, обусловленные индивидуальными различиями индивидов и их способностями.

1.3. Исследования и жизнь организаций в координатах пространства и времени

Категории пространства и времени относятся к одним из древнейших в науке и указывают на то, что они являются основными формами бытия. Каждый новый этап в развитии науки позволяет более полно раскрыть содержание категорий пространства и времени. Многие трудности в пространственно-временной проблематике обусловлены различным пониманием сущности пространства и времени.

В истории философии наиболее ясно определились две концепции, по-разному рассматривающие сущность пространства и времени: субстанциальная и реляционная. Субстанциальная концепция рассматривает пространство и время как существующие сами по себе, автономно. Подобную точку зрения отстаивал, например, И. Ньютон. Протяженность вещей у Ньютона является изначальным свойством, а пространство неразлично, неизмеримо и непознаваемо. Ярким представителем реляционных концепций считают Г.В. Лейбница, который считал, что пространство и время не существуют *вне особых отношений* между объектами и процессами. Достижения науки указывают на предпочтительность реляционного подхода. Признание такой точки зрения было значительным шагом в понимании природы пространства и времени. Однако среди методологов нового времени все больше сторонников, разделяющих идею о том, что субстанциональный и реляционный подходы составляют не оппозицию друг другу, а дополнение в познании; что реляции (особые отношения) не могут существовать без субстанции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.